

вых отношений и языковой субстанции, о противоречиях в развитии языка, месте специальных лингвистических теорий. В освещении этих вопросов важную роль играет авторское понимание предмета языкознания, который всегда «шире, чем описание устройства самого языка», ибо «в него входят как его органическая часть общественные функции языка и воздействие общества на язык, как и воздействие языка на общество» (с. 27).

Широкий спектр вопросов большой теоретической значимости рассматривается во втором — социолингвистическом — разделе монографии. Ф. П. Филин аргументированно отстаивает точку зрения, согласно которой язык социально детерминирован и потому в числе актуальных научных проблем всегда будут вопросы изучения общественных функций языка, билингвизма, культуры речи, языковой нормы. Известно, что в последнее десятилетие в нашей стране значительно активизировалась работа в области социолингвистической проблематики. Немалая заслуга в этом принадлежит Ф. П. Филину, своими исследованиями и публикациями во многом определившему пути и направления этой работы. Раздел «Язык и общество» заслуживает высокой оценки не только за изложенные в нем результаты научных разысканий, но и за «катализирующий» характер содержащихся в нем идей. Что же касается особо актуальных ныне проблем двуязычия, то в отдельных главах монографии заключена целая программа исследований в этой области. Выделяется глава «О происхождении праславянского языка и восточно-славянских языков», которая содержит как обзор и авторскую оценку существующих взглядов в данной области славянского исторического языкознания, так и изложение концепции самого ученого.

Ф. П. Филин был одним из самых авторитетных лексикологов и лексикографов-русистов. Третий раздел монографии включает важнейшие его теоретические работы в данной области. Четыре очерка, составившие этот раздел, затрагивают принципиальные вопросы теории слова (слово и его значение, лексико-семантические группы слов) и лексикографической практики (лексический состав «Словаря русского литературного языка», специфика словаря языка произведений В. И. Ленина). Следует подчеркнуть значимость последней темы, ленинской. Этот труд должен представлять собой одновременно и «словарь русского литературного языка определенного периода по сочинениям В. И. Ленина», и «словарь языка В. И. Ленина как отдельного писателя во всей яркости и неповторимости индивидуальности» (с. 257).

Четвертый, заключительный раздел книги посвящен вопросам диалектологии. Здесь рассмотрены два основных вопроса, из которых один является чисто теоретическим, а другой, помимо теоретического значения, имеет непосредственный выход к практической деятельности, поскольку связан с составлением диалектологических словарей. Квалифицируя сочетание «диалектный язык» как терминологическую неудачу, Ф. П. Филин с предельной убедительностью доказывает неправомерность употребления этого термина. Если тот или иной местный говор

является реальной коммуникативной единицей («на нем говорит определенное количество людей»), то «на всей совокупности частных диалектных систем («диалектном языке» (с. 266) не говорит никто. Возможность сочетания в речи одного человека системы литературного языка с отдельными диалектными элементами либо сочетания разнодиалектных элементов не колеблет этого положения, так как подобные случаи затрагивают лишь отдельные фонетические явления (например, г — ɣ, оканье — аканье) и отражают или взаимодействие диалектов и литературного языка, или междиалектные контакты.

В статьях «К глубинам русского народного слова» и «Диалектное слово и его границы» излагаются теоретические основы любого диалектологического словаря русского языка, утверждается как единственно правильный дифференциальный метод, доказывається бесплодность попыток создания так называемых «полных» диалектных словарей, в которых общерусская лексика является балластом, обосновывается четкое отграничение диалектных слов от других лексических единиц русского языка. Эти статьи обогащают теорию диалектной лексикографии, дают практические рекомендации, обеспечивают единство общих контуров диалектологических словарей, создаваемых на материалах различных говоров.

Как все принадлежащее перу Ф. П. Филина, последняя, вышедшая при жизни автора, книга отличается завидной простотой и ясностью изложения, убедительной аргументацией.

А. Е. Михневич, А. Ф. Манаенкова

І. Р. Вихованець. Прийменникова система української мови.— Київ: Навукова думка, 1982.— 286 с.

Проблема часин мови, як і адної з їх— прыназоўніка,— у славянскай філалогіі да канца яшчэ не вырашана. У мэтах далейшага даследавання гэтай тэмы і падрыхтавана названая навуковая праца на матэрыяле ўкраінскай мовы. Ва ўступнай частцы аўтар асвятляе гісторыю праблемы. Параўноўваючы розныя падыходы як айчынных, так і зарубежных лінгвістаў да класіфікацыі слоў па часцінах мовы, аўтар імкнецца выпрацаваць сваю ўласную пазіцыю па прыцыпова важных пытаннях праблемы, якую дэталёва і абгрунтавана выкладае ў асноўных раздзелах працы.

У пачатку першага раздзела аўтар даволі поўна раскрывае розныя канцэпцыі вучоных адносна структурна-семантычнай прыроды прыназоўніка, а менавіта: як службовага слова, як марфемы (часткі слова) і як самастойнага слова (лексемы). У другім раздзеле разглядаюцца пазіцыі прыназоўнікаў, якія ў адносінах да знамянальных слоў могуць ужывацца прэпазіцыйна — перад назоўнікам і лічэбнікам і постпазіцыйна — пасля дзеяслова. Прыводзяцца прыклады суадноснасці прыназоўнікавых канструкцый з беспрыназоўнікавымі, аналізуюцца першасная і другасная, унутраная

і знешня пазіцы прыназоўнікаў і пераход адной з іх у другую. Трэці, самы вялікі раздзел кнігі, прысвечаны разгляду ўзаемаадносін прыназоўнікаў і склонаў. Кожны ўскосны склон прыназоўнікавага ўжывання атрымаў у працы поўнае і ўсебаковае асвятленне. Падкрэсліваецца, што месны склон — ізаляваны элемент у прыназоўнікавай сістэме, бо без прыназоўнікаў не ўжываецца. Таму ён разглядаецца першым, а далей — астатнія склоны ў адпаведнай іх паслядоўнасці. У гэтым раздзеле чытач знайдзе шмат цікавых навуковых назіранняў і вывадаў аўтара аб прыродзе і характары сэнсава-сінтаксічных адносін, якія выражаюцца прыназоўнікавымі канструкцыямі, суданоснасці/несуданоснасці іх з іншымі сінтаксічнымі адзінкамі на ўзроўні сказаў, зваротаў і іх структурных частак. Аўтар выдзяляе адметныя асаблівасці асобных тыпаў і груп прыназоўнікава-іменных і дзеяслоўных словазлучэнняў. Чацвёрты раздзел прысвечаны вывучэнню праблемы структурна-семантычных і функцыянальных суадносін (падабенства і адрознення) прыназоўнікаў, прыслоўяў і прэфіксаў. Вядзецца грунтоўная размова пра ролю прыназоўнікаў і прыслоўяў ва ўтварэнні розных сінтаксічных адзінак, пра ролю прэфіксаў ва ўтварэнні трыванняў дзеяслова, пра адвербілізацыю прыназоўнікаў і інш. У пятым раздзеле падрабязна даследуюцца тры асноўныя семантычныя тыпы прыназоўнікаў: лакальныя, тэмпаральныя і лагічныя; падаюцца поўныя спісы прыназоўнікаў з усімі іх магчымымі варыянтамі. Некаторыя прыназоўнікі паўтараюцца ў некалькіх групах, напрыклад: *коло, через* і інш. Асобна даследуюцца канструкцыі з прыназоўнікам *по*, якія, падобна як і ў беларускай мове з прыназоўнікам *на*, надзвычай шматзначныя і выкарыстоўваюцца для выражэння самых разнастайных сэнсава-сінтаксічных адносін.

У шостым раздзеле асвятляюцца праблемы дэтэрмінацыі і дэтэрмінантаў сказа, паслядоўна і поўна прыводзяцца дэтэрмінанты, уласцівыя граматычнай сістэме сучаснай украінскай літаратурнай мовы, пералічваюцца прыназоўнікі, якія ўжываюцца з цэлай групай дзеясловаў. Гэтыя прыназоўнікі ў кнізе атрымалі спецыяльную тэрміналагічную назву «постфіксаў». Апошні, сёмы, раздзел кнігі шырока асвятляе дынаміку ўкраінскай прыназоўнікавай сістэмы, структураўтваральныя і семантычныя мажлівасці адпаведных прыназоўнікавых канструкцый, іх значэнні і функцыі ў мове, выпадкі сінанімічных замен, трансфармацыі розных прыназоўнікавых канструкцый у іншыя склонава-прыназоўнікавыя і беспрыназоўнікавыя словазлучэнні. Раскрываюцца таксама асноўныя тэндэнцыі і напрамкі далейшага развіцця прыназоўнікавай сістэмы ў сучаснай украінскай літаратурнай мове.

Кніга І. Р. Выхаванца — патрэбная і карысная праца не толькі для спецыялістаў вузкага профілю, але і самага шырокага кола чытачоў. Пажадана разам з тым, каб з'явы ўкраінскай мовы разглядаліся ў сувязі і ў супастаўленні з роднаснымі рускай і беларускай мовамі, якія маюць шмат агульнага ў характары і спосабах выражэння розных сэнсава-сінтаксічных адносін.

А. І. Наркевіч, А. В. Шыдлоўскі

С. А. Лысенко. Романтика борьбы и созидания: Романтическое стилевое течение в советской драматургии 20—30-х гг. — Минск: Изд-во БГУ, 1982. — 128 с.

В книге рассматриваются основные тенденции развития романтического стиля в советской драматургии 20—30-х годов, прослеживается его связь с формированием и развитием социалистического реализма. В работе анализируются пьесы русских, украинских и белорусских драматургов. Исследователь говорит о самом главном в романтической драматургии: о ее идеале, новом понимании ею мира и человека, об идейности, художественном новаторстве, принципах типизации. Особенно удачно конкретизированы идейно-эстетические принципы А. Луначарского («Фома Кампанелла»), Е. Мировича («Кастусь Каліновский»), М. Кулиша («Патетическая соната»), И. Днипровского («Любовь и дым»), Вс. Вишневского («Оптимистическая трагедия»). Романтика в их произведениях изучается в конкретно-исторической обусловленности, так как это единственный способ, который может обеспечить освещение ее двух функций — романтики как одного из отличительных признаков метода социалистического реализма и как стилиобразующего фактора. Для того, чтобы понять суть многих художественных явлений, в том числе и романтики, автор работы соотносит их с горьковским опытом; подчеркивает, что сама жизнь нацеливала художников на многообразные «художественные поиски, на решение сложнейших творческих задач». Верна мысль С. Лысенко и о том, что в романтической драматургии 30-х годов, по сравнению с предыдущим десятилетием, увеличивается удельный вес реалистического начала. Происходит своеобразный симбиоз чувства и мысли, слав реализма и романтики.

В исканиях возвышенного идеала, активного творческого начала, утверждает автор книги, драматургии 20—30-х годов увидели высшую красоту, красоту народной борьбы, подвига и великих свершений на пути к построению коммунистического общества. Вследствие этого характеры ими укрупнены, приподняты над повседневностью. Отдельные художественные приемы, характерные для этого стилистического течения в целом, в творчестве разных драматургов приобрели своеобразное индивидуальное преломление. Патетически-экспрессивное восприятие действительности, акцент на духовное начало в жизни человека, его возвеличение, открытость чувств, страстность, романтика великих свершений, масштабность событий, музыкальная композиция и другие приемы вошли составной частью в многогранную палитру драматургии 20—30-х годов. Они способствовали воплощению прогрессивно-революционных идей в пьесах, вводили читателя и зрителя в атмосферу изображаемого. Рассматривая романтический стиль, исследователь неоднократно напоминает, что он не исключает и не обесценивает других типов реализма в рамках единого художественного метода — метода социалистического реализма.

К. И. Бурмистрова